

Петр Татауров

Надо действовать!..

Если художественная литература запечатлевает образ времени, то публицистика улавливает его горячее дыхание. Когда же это происходит? «Когда совесть замучает», — ответил недавно В. Белов, заставив вспомнить толстовское «Не могу молчать».

Своеобразным «справочником душевных тревог» В. Белова стал сборник его статей и очерков «Раздумья на Родине»¹. Все это, читанное нами в разное время в газетах и журналах, в книге приобрело новое качество и понуждает читателя к действию. («Чего же мы будем ждать? Нет, ждать нельзя, надо действовать»).

Смысл книги В. Белова, ее внутренняя пружина служат одной цели — убедить читателя, что от слов пора переходить к делу.

«За последние четыре-пять десятилетий ни одного жилого дома в Тимонихе не было построено». Грустен перечень утрат, обнаруженных В. Беловым в родной деревне. «На месте Максимёнова дома валяется сейчас с десяток догнивающих бревен... Рядом с Максимёнком по посадку жил Акиндин Суденков, от дома не осталось и следа. Дальше, чуть выдавшись в поле, стоял дом Алеши Енина... дом раскатали на дрова... Далее стояла изба Фатинцев, фамилия Плетневы... Избу истопили. За домом Коклюшкина стояла избушка Агапейки — ...раскатали... Павлушков дом — давно разломан... Матвиенков дом — ничего нет на этом месте. Енашина изба — никто не живет...»

Я мог бы дополнить этот печальный мартиролог и судьбой деревни Кунцово (на соседней, вятской земле), где жили мои предки, исчезнувшей всего год назад...

А что значит покинутые дома (в Харовском районе Вологодской области — типичном для Нечерноземья — до войны проживало 51,2 тыс. человек, сейчас — 27,7 тыс.)? Это и необработанные пашни (за 40 лет сократились на 400 тыс. га) и заброшенные пастбища (уменьшились с 815 тыс. га до 317 тыс. га), и невыкошенные луга (за 15 лет заросли лесом и кустарником, заблочены около 250 тыс. га). То есть площади плодородных земель вместе с количеством работоспособных крестьян — уменьшаются, количество же едоков, как нетрудно предположить, увеличивается, а имеющаяся техника, организация сельскохозяйственного труда, его

производительность покрывать этот разрыв пока не могут. Возникло чуждое русской деревне «потребительское, иждивенческое отношение к миру».

«Мой земляк, живущий в деревне, берет из города автобусом за шестьдесят километров несколько десятков ящ. Спрашиваю: «Ты чего, кур уже не держишь?» — «А на кой они мне, одна с ними морока»... У себя на родине в магазине сельпо частенько наблюдаю такую картину: откуда-то за многие километры привозят свежие огурцы. Бросают дела, бегут занимать очередь. То же с капустой... Но я хорошо помню, как даже во время войны, в самые тяжкие годы, в каждом огороде белела под осень своя капуста, а вместе с рыжиками стояли целые кадки своих соленых огурцов. Никому и в голову не приходило, что когданибудь придется покупать в магазине венгерские маринованные огурцы и украинский консервированный картофель» («Издержки «специализации»).

Что ж, если на Вологодчине писателю в диковинку украинский картофель, то как нам расценить появление в столице кубанского? Печаль В. Белова понятна — Продовольственную программу можно выполнить только в деревне, только на земле. Отсюда его спор с утверждениями, будто русский Северо-Запад малоперспективен для производства хлеба и других продуктов питания. Оказывается, здешние крестьяне еще в XVII веке поставляли зерно не только на внутренний рынок, но и, сплавляя его через Устюг в Архангельск, торговали с Норвегией. Факт этот, найденный писателем в истории родного края, удивителен на фоне рассуждений ученых с «зонах рискованного земледелия», с «неблагоприятных климатических условий», косвенно объясняющих нашу зависимость (пусть и частичную) от внешнего рынка зерна. А вот северные крестьяне, поставляя его скандинавам, даже не подозревали, что поступают некорректно по отношению к выводам будущей науки, в силу своей, видимо, «патриархальной невежественности» вступающая в заочный спор с потомками из многочисленных НИИ и академий...

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров о Нечерноземье, решения о переводе всего хозяйства, в том числе и сельского, на интенсивные рельсы развития подтвердили основные мысли писателя. Но как восстановить утраченное? Как вернуть крестьянина к земле? Началу ему нужно создать условия для труда и отдыха, для выявления всех его скрытых талантов, чтобы он реально, а не на словах почувствовал свою неотторзанность не только от ближайшего города с его культурными благами, но и от жизни всей страны.

¹ Белов В. Раздумья на Родине: Очерки и статьи. М.: Современник, 1986.

Да, условия создавать нужно, но и этого бывает недостаточно. «Руководитель экономически мощного колхоза разводит руками: выстроил современную ферму, даже с общежитием, купил стильную мебель, телевизор, а девушки поработали два года и снова разъехались, Директор крупного, рентабельного совхоза жалуется: созданы все условия, а работать опять некому. В чем дело?» («Требуется доярка...»).

А дело тут в самых тонких материях — в поразившем сознание некоторой части крестьянства иждивенчестве, в падении престижа сельских профессий...

Так что финансовые инъекции еще не гарантируют исчезновения проблем. Решающим моментом тут становится то, насколько серьезно нарушены основы психологии и мировоззрения сельского труженика, который не только наш кормилец, но и хранитель многовековых традиций, нравственности, отношения к труду. Если сохранить в крестьянине любовь к земле, он при благоприятных условиях оживит пашни, восстановит луга и пастбища. Сейчас еще можно помочь ему. Но для этого надо не мешкая действовать...

Нужно думать о молодой смене, о тех, кто, вырастая, уже смотрит в сторону города. Насильственным путем, как показала жизнь, в селе никого не удержишь. Требуется иной подход, такой, который заинтересовал бы молодого человека остаться в родном гнезде.

Писатель, безусловно, прав, обращая наше внимание к истокам проблемы. Действительно, если в школе на уроках труда внушают, что нужно остаться в родной деревне, на ферме, где реальность предстает в виде неубранного навоза, отрицательных температур, повышенной влажности, а в газете или по телевидению рассказывают о редких профессиях — парфюмера, о романтике бродячей жизни геолога, — то ясно, что профессия, скажем, доярки будет рассматриваться всего лишь временной неудачей... А неудачи, тем более временные, нужно поправлять. Где? Да в том же городе, там столько возможностей — пробуй, не ленись. Да и личную жизнь там легче устроить — женихов и невест в городе несравненно больше, чем в деревне. Сегодня можно встречаться с одним, завтра — с другим. Это в деревне, где все и все на виду, не раз подумаешь, прежде чем с парнем или девушкой под руку пройдешься по улице.

Что и говорить, молодые в городе более свободны в нравственности, в поведении, нежели в деревне. Если в деревне сила общественного мнения является и неким регулятором, удерживающим от опрометчивых, необдуманных поступков, то город соблазнительно освобождает от этих «оков» и даже как бы подстрекает этой новой свободой от общественного мнения к «прогрессивному» мышлению, «современному» поведению. Вчерашний сельский житель довольно

скоро приучается высокомерно морщиться при виде своего земляка в телогрейке и кепчонке, при звуке народной мелодии и восхищаться любой эстрадной музыкой — и доморощенной, и особенно западной. Город как бы требует понимания и принятия его культуры, иначе тебя будут презрительно величать «деревней»...

Нелепость поведения юных неофигов тяжелого рока в Вологде, описанного В. Беловым, вызывает грустную улыбку, однако писатель старается показать нам «определенную и четкую взаимосвязь эстетического воспитания с нравственным обликом человека». Он не только фиксирует новые явления, проникшие из центра на периферию, но и пытается понять их причины и следствия. Для него существует несомненная зависимость отношения к семье и труду от нравственного облика человека.

Думаю, у В. Белова тут немало оппонентов, особенно среди молодых читателей. Недавно в одной из телепередач молодые журналисты убеждали нас, что не надо, мол, так уж активно бороться с тем или иным поветрием, модой, которые время от времени накатывают к нам из-за рубежа. Все равно это рано или поздно возникает в нашей среде, так не лучше ли пойти им навстречу?

Что ж, на моду в одежде можно смотреть и более снисходительно, более терпимо, даже если она уродует подлинную красоту человека. Мне, например, жаль женщин, которых наши модельеры превратили в ходячие треугольники с метровыми плечами. Тут все противоречит природе, классическим представлениям о женской красоте. Но такая мода, есть надежда, пройдет, как корь и ветрянка. А вот мода на мысли, на образ мышления, на представления о ценностях мнимых и истинных куда разрушительнее для человека.

Скажем, мода на «патриотизм», отождествляемый с соответствующим интересом, купленным по дешевке домом в деревне, знакомством с парой чудачков, купивших по случаю у старушки прялку да потрепанную библию и потому зовущих себя славянофилами, разорила многие деревни. Я видел дома с обдранными наличниками, выломанными карнизами, будто тут опять прошла мамаева орда, и у меня отнюдь не вызывает удивления московские квартиры, где стены увешаны иконами и лаптями, прялками и жестяными ходиками, хотя гостей потчуют негритянским блюзом или тем же тяжелым роком. Они готовы с утра до вечера говорить о «проблемах», клеймить врагов России, а сами палец о палец не ударят, чтобы упрочить ее положение, укрепить ее духовно. «Шумим, братец, шумим» — это про них сказано, хотя и более века назад. И в народе их отмечали: «Словами и туды и сюды, а делами нигуды» или «На словах — что на гусях, а на деле — что на балалайке».

Беловское «надо действовать» выношено и выстрадаано. И читатель ощущает

это избыточной горечью, завышенной критичностью, нерассеивающейся печалью многих строк. Думаешь над книгой, и тревога охватывает тебя: а поправим ли порушенное в сельском хозяйстве, общечеловеческом, нравственности?.. Возможна ли та гармония, которая так обнадеживала в его мудром «Ладе»? Если нет, то к чему надо быть готовым? Если — да, то что нужно предпринимать?

Слово писателя всегда приравнивалось к делу. Он готовит наше сознание к необходимости перемен, обосновывает их идеологически, доказывает неизбежность прогресса, который в его понимании отнюдь не тождествен нигилизму: «Да, все изменится: дома и дороги, поля и речки, Я знаю об этом. И если новое будет лучше старого, я ни о чем не стану жалеть...»

Исследуя нравственную сторону происходящего в нашем обществе, В. Белов показывает, как искажения нашего бытия разрушающе влияют на сознание человека. Однако писатель не тычет пальцем в наши беды, не злорадуется — «А я вам говорил!» — он сам мучается общей болью, может быть, острее чувствуя направление необходимых усилий.

И В. Белов тут не один. Посмотрите, как страстно возвышают публицистический голос С. Залыгин, В. Распутин, Ю. Бондарев, как по-граждански беспокойно писали В. Шукшин, В. Чивилихин, Ю. Селезнев... Они в каждом своем произведении напоминают нам, что страна наша — это не только географическое понятие, не территория, а общий дом разноязычных братских народов, в котором не может одному народу быть плохо, а другому хорошо. И в доме этом истинные хозяева сами наводят и поддерживают порядок. Но если это действительно дом, а не временное жилье...

Русские писатели, как и их братья других национальностей, очень часто в разговоре о насущных проблемах, обращаются к опыту предков, что, казалось бы, естественно. Однако почему-то только русских корят «патриархальщиной», когда они пытаются соотнести свой жизненный опыт с многовековым опытом своих предшественников. Недавно историк Ю. Афанасьев обвинил беловский «Лад» в том, что автор «выстраивает идеальный образ патриархальщины».

Этот штамп, стереотип, обвинительный смысл которого в последние годы подавил все остальные значения этого слова, весьма часто используется, когда русский писатель пытается найти что-то полезное в прошлом своего народа, хотя, казалось бы, все тут ясно: «Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно... и будущие поколения не смогут обойтись без ныне живущих... Им так же будет необходим наш нравственный и культурный опыт, как нам необходим сейчас опыт людей, которые жили до нас».

Так тащил ли нас В. Белов в патриархальность? Если в ту, что позволяла северным крестьянам быть не иждивенцами, а производителями и экспортерами зерна, то, думаю, особо упираться и не следует. Если повсеместно возрождаются различные формы взаимопомощи крестьян («Случалось, что мир направлял здоровых людей топить печи, готовить еду и ухаживать за детьми в тех дворах, где все рабочие члены семьи были больны. Вдовам и сиротам община нередко оказывала помощь трудом общинников: во время жатвы, на покосе. Иногда мир обрабатывал участок сироты в течение ряда лет»¹), то чем плоха такая патриархальность? Такие отношения между крестьянами нам действительно могут показаться идеальными.

В «Ладе» показано все лучшее, что было у северного крестьянства, в рецензируемой книге мы ощутили всю глубину разлада в сегодняшней деревне.

Судя по книге, много тревог, огорчений накопилось у писателя, с которыми он обращается к нам, читателям, ища поддержки и отклика. А главное — действия. И обращается он к нам языком простым и безыскусным, чуждым ригорики и ложного пафоса. Публицистика, как, впрочем, и проза, В. Белова сильна точным соответствием слова и мысли.

Жизнь человека измеряется не только годами, но и тем, что он оставляет после себя. Не тратьте время на мелкие цели, на пустые «обмены мнениями», как бы говорит нам писатель. Пересматривайте, расширяйте, усложняйте ваши задачи, тормозит он нашу совесть. Переходите от слов к делу, бездействовать сегодня нельзя. Это безнравственно.

¹ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и форма общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 31.